

А. Ю. Виноградов
(Москва)

«ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ» НАДПИСИ ВИЗАНТИЙСКОГО КРЫМА*

Гербы и подобные им геральдические эмблемы появляются в византийском мире только в поздний период, под влиянием латинского Запада и, в частности, крестоносцев. Однако и тогда они используются преимущественно как символы идентичности государственной и в меньшей мере – частной или родовой¹. Этот феномен трудно объяснить «служилым» происхождением византийской аристократии или сравнительно поздним происхождением фамильных имен в империи². В комниновскую и палеологовскую эпоху знатные византийцы охотно использовали другой родовой атрибут – фамильное имя, причем зачастую сразу по несколько, в своей титулатуре и иной репрезентации.

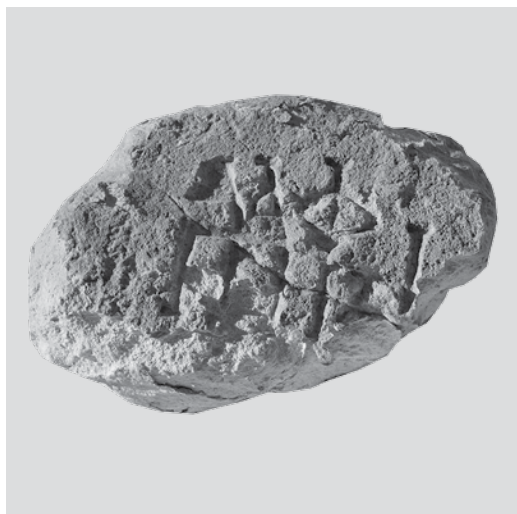
В ранне- и средневизантийский период основной эмблемой византийца, претендовавшего на сколько-либо высокое общественное положение, была монограмма, содержащая его имя, то есть бывшая исключительно индивидуальной эмблемой, не передававшейся по наследству³ (подобно вензелям Нового времени). Такие монограммы, составленные из букв имени и, иногда, титула, использовались как для обозначения собственности (на ценных предметах), подлинности (на печатях, весах и в пробах) или того и другого одновременно (на перстнях), так и в монументальной репрезентации, заменяя собой в определенном смысле лапидарные надписи: строительные посвящения, владельческие и иные.

Известны такие лапидарные монограммы и в Крыму. Например, к VI в. относятся монограммы ΘΕ на капителях колонн базилики 1935 г., относящиеся ко второму этапу ее строительства. Ранневизантийским временем (судя по альфе с ломаной перекадиной и форме памятника) датируется еще одна лапидарная монограмма, находящаяся в фундаментах Национального заповедника «Херсонес Таврический» (инв. № 61/36508) и найденная в завале апсиды церквушки около «храма с ковчегом» на месте античного театра Херсонеса (ил. 1)⁴. Она размещена в нижней, грушевидной части креста, вырезанного, в свою очередь, на каменном кресте с расширяющимися концами (сохранился фрагментарно). Монограмма не имеет прямых аналогов, но расшифровывается совершенно ясно – ΣΤΕΦΑΝ. Альфа над ней⁵ скорее всего является типичным сокращением для слова ἁγίος «святой», и следовательно, мы имеем дело с нанесением на крест имени святого (здесь – святого Стефана), типичным для Византии как в лапидарной эпиграфике, так и в надписях на предметах личного благочестия. Имя святого на кресте заставляет

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

Ил. 1. Камень с монограммой Стефана.
Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»

Ил. 2. Камень с монограммой: ПАПАФНД.
Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»

интерпретировать его скорее не как надгробный (по предположению Э. И. Соломоник), а как votivный памятник.

В фондах того же музея (инв. № 29/36504) хранится другая лапидарная монограмма на обломанной со всех сторон плите (?), найденная в насыпи херсонесского некрополя у Карантинной бухты⁶ и относящаяся скорее всего к средневизантийскому периоду (ср. форму альфы с заостренной петлей и титул; ил. 2). Данная монограмма выглядит также необычно, однако читается ясно – ПАПАФНД. И. Э. Соломоник совершенно обоснованно вычленила в ней первый элемент *παπᾱ(ς)* «поп, священник» и второй элемент, представляющий собой начало личного имени, которое она была склонна восстанавливать вероятней всего как *Φήδιμος*⁷. Следует, однако, отметить, что в византийское время, даже с учетом итацизма, засвидетельствованы только имена *Φίδωνος* (PmbZ # 6123; Умм-ар-Расас в Аравии, 785 г.?), *Φεῖδος* (SEG 28, 1357; Мапада в Палестине, VI в.) и *Φιδήλιος* (IK Smyrna 560, 562; Смирна, 534 и 541 гг.). Географически в нашем случае предпочтителен последний вариант.

Но геральдические символы в узком смысле этого слова появляются в крымской эпиграфике только в поздневизантийское время, причем в самом его конце – в XV в., в горнокрымском государстве Феодоро и, видимо, обязаны своим появлением новой династии, утверждающейся здесь в это время. Эти символы всегда сочетаются с маньеризированным «палеологовским» рельефным прифтом надписей, хотя и сопровождают его только на надписях правителей: так, на надгробии частного лица (IOSPE³ V 189⁸) и даже на строительной надписи митрополита Готии (IOSPE³ V 241) они отсутствуют. Неизвестно также, были ли они на первой надписи такого типа, датированной 1403 г. и поставленной, вероятно, от лица правителя (IOSPE³ V 178).

Феодоритские надписи с геральдическими символами делятся на две группы, различающиеся как по хронологии, так и по типологии. К первой относятся две строительные надписи правителя Алексея 1425 и 1427 гг. (IOSPE³ V 179 и 180⁹; ил. 3, 4), происходящие

Ил. 3. Надпись князя Алексея. Мангуп, 1425. Бахчисарайский музей-заповедник

Ил. 4. Надпись князя Алексея. Мангуп, 1427. Бахчисарайский музей-заповедник

из Феодоро-Мангула (или, во втором случае, возможно, из Каламиты). Обе они имеют весьма схожий облик: вытянутая по горизонтали плита покрыта пяти- или шестистрочной рельефной надписью, в которую вписаны во всю высоту плиты три заостренных снизу щита, расположенных у левого и правого края и по центру. Разница между двумя плитами незначительная: на камне 1427 г. щиты вписаны в прямоугольники, в углах

Ил. 5. Фрагмент плиты князя Алексея
с Мангуна. Ок. 1425–1427. Публ. по:
*Малицкий Н. В. Заметки по
эпиграфике Мангуна // ИГАИМК.
1933. Вып. 71. С. 35. Рис. 11*

которых помещены стилизованные побеги или кресты в круте (над центральным щитом), а на плите 1425 г. (обломана левая половина) надпись «обтекает» щиты, так что аналогичные завитки сокращены и помещены только под крайним щитом; кроме того, у этого камня есть орнаментальное продолжение под крайним щитом, так как он был притолокой двери, очевидно, в упомянутой в надписи замковой башне. Композиции внутри всех щитов (на второй надписи левый не сохранился) совершенно идентичны на обеих плитах: в левом помещен латинский крест, в правом – коронованный двуглавый орел (отличается только форма голов и стилистика исполнения крыльев), а в центральном – маньеризованная монограмма¹⁰. Все эти изображения были отождествлены уже

давно как, соответственно, герб Генун, символ Палеологов (или Великих Комнинов) и монограмма самого феодоритского князя Алексея¹¹. Последняя размещена на центральном, самом почетном месте; смысл появления двух остальных гербов не до конца ясен: скорее всего, речь идет не о зависимости Феодоро от Генун и Константинополя или Трапезунта в 1425–1427 гг., а о союзе с этими державами. Союз с генуэзцами был заключен после поражения Алексея в войне с ними, имевшим место незадолго до этого, в декабре 1423 г.¹² А вот двуглавый орел на плите указывает скорее не на Палеологов, а на Великих Комнинов, с которыми Алексей как раз в это время заключил двойной матримониальный союз, выдав в 1426 г. свою дочь Марию за сына трапезунтского императора Давида, а своего сына Иоанна – за его родственницу Марию Асену Палеологину¹³. В пользу такой атрибуции говорит и необычный двойной завиток на шее орла, аналог которого встречается как раз на трапезунтских монетах Алексея III и Мануила III. В монограмме Алексея, помимо букв ΑΛΕΞΙ (порядок букв: слева – справа – по центру), читается также центральная часть в виде букв «ТО», чье значение неясно: это скорее не сокращение фамильного имени, а артикль τοῦ (верхняя часть лигатуры омикрон-пси-лон может совпадать с верхушкой тау)¹⁴, указывающий на принадлежность монограммы (τοῦ Ἀλεξίου).

К плитам 1425–1427 гг. примыкают еще два фрагмента плит с монограммами Алексея, незаслуженно забытые современными исследователями. Один происходит из раскопок Мангунского дворца и содержит идентичный щит с точно такой же монограммой Алексея¹⁵ (ил. 5), который здесь, однако, видимо был размещен у левого края надписи; неожиданно и появление справа от него рельефной плетенки вместо надписи.

Второй фрагмент был найден в Каламите в 1926 г. (ил. 6)¹⁶. По указанию Малицкого, найденная в кладке Каламиты турецкого времени плита с монограммой была обломана только справа, где должен был размещаться орнамент (как на вышеуказанной плите) или надпись. Действительно, Бертье-Делагард нашел в Инкермане фрагмент

Ил. 6. Фрагменты плиты князя Алексея из Каламиты. 1427–1446.

Публ. по: Малицкий Н. В. *Заметки по эпиграфике Мангуна* // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 32. Рис. 9; <http://iospe.kcl.ac.uk/5.148-ru.html>

феодоритской надписи XV в., выполненной рельефным шрифтом, в главном храме Георгиевского монастыря, куда тот был принесен «неизвестно откуда» (IOSPE³ V 148). Если это действительно два фрагмента одного камня, то плита первоначально имела высоту 40 см и толщину 16 см, и ее конструкция была сходна с плитой 1425 г. По шрифту (буквы хотя и маньеризованные, но не удлиненные) надпись стоит ближе всего к строительной надписи митрополита Дамиана из Партенита 1427 г. (IOSPE³ V 241), тогда как в феодоритских надписях 1450-х гг. формы букв уже вытягиваются по вертикали (ср. IOSPE³ V 189 и 238). С последней ее, впрочем, сближает круглый картуш монограммы (см. ниже), однако закругленный элемент в символе «ГЮ» имеет здесь не круглую форму, а миндалевидную, как и в остальных монограммах; то же самое касается и остальных букв и украшений в монограмме. Таким образом, инкерманская монограмма может представлять собой переходный этап между феодоритскими монограммами 1425–1427 гг. и 1459 г. и относиться, следовательно, ко второй половине правления Алексея Мангунского (между 1427 и 1446 гг.). Необычна и форма плиты с монограммой Алексея (причем именно Алексея старшего, ср. ниже) слева, но поскольку плита сохранилась фрагментарно, то мы воздержимся от каких-либо гипотез по этому поводу – отметим лишь, что предложенная нами датировка плиты исключает возможность отнесения ее к раннему периоду, когда Алексей еще был наследником престола (см. ниже).

Несколько отличную форму букв, гербов и монограмм демонстрирует плита 1459 г. из Фуны (Лучистого) со стихотворной строительной надписью, размещенная изначально на донжоне замка (IOSPE³ V 238; ил. 7, 8). Буквы здесь значительно сильнее вытянуты по вертикали; щиты круглые, вписанные в горизонтальные прямоугольники с пышными побегими. Но самое разительное отличие от плит 1425–1427 гг. заключается здесь в том, что герб Генуи, имеющий форму креста, остроумно заменен на обычный для Византии греческий крест с надписью: $\Gamma(\eta\sigma\omicron\upsilon)\varsigma$ $\chi(\rho\iota\sigma\tau\omicron)\varsigma$ $\nu\iota\kappa\tilde{\alpha}$.

Ил. 7. Надпись 1459 г. из Фуны. *Центральный музей Тавриды, Симферополь*

Ил. 8. Надпись 1459 г. из Фуны.
Фрагменты с монограммами.
Центральный музей Тавриды, Симферополь

Этот факт указывает, вероятней всего, на ухудшение отношений между Феодоро и Генуей (в отличие от Константинополя) после конфликтов 1430–1450-х гг.¹⁷, в том числе и после недавнего конфликта 1458 г., когда феодориты заняли генуэзские владения в Готии¹⁸. Замена генуэзского герба на символ Христа должна, очевидно, означать, что феодоритский правитель считает только Его своим сюзереном. Напротив, двуглавый орел, представляющий, скорее всего, Трапезундскую империю (см. выше), на фунской плите остался, что вполне соответствует сохранению феодоритского союза с ней, по крайней мере, еще в 1446 г.¹⁹

Монограмм на фунской плите стало три (все они размещены по центру), и форма их основы также изменилась: омикрон стал круглым и почти концентричным ободу щита. Ясно читается (с тем же порядком букв, что и выше) только правая монограмма: ΑΛΕΞΑΝΔΡ. Левая, если следовать тому же порядку чтения, содержит буквы ΑΛΕΟ, т. е. ΑΛΕΞΙΟ, причем она отличается от монограмм Алексея 1425–1427 гг., что закономерно, так как тот Алексей умер к 1446 г.²⁰, и потому эта монограмма принадлежит другому Алексею. Наконец, в центральной монограмме можно прочесть имя ΙΣΑΑΧ, т. е. Исаак.

Судя по появлению на плите трех монограмм вместо одной, после смерти Алексея около 1446 г. три его наследника управляли феодоритским государством коллективно. Впрочем, встает вопрос, какая из монограмм занимает здесь главное место и кем три этих правителя приходятся друг другу. В генуэзских документах 1446–1456 гг. титул «господина Феодоро» носит всегда Олобо/Олобей²¹, который, хотя и не был старшим сыном Алексея, уже к 1436 г. стал его наследником²². В 1455 г. упоминаются враждующие с Генуей сын правителя Феодоро (т. е. Олобо) Алексей и его брат²³. Однако в 1458 г. в генуэзском документе как враги республики упомянуты уже «господин Готии и его братья», что не подходит к Олобо и его сыновьям, – следовательно, вероятней всего, между 1456 и 1458 гг. Олобо умер, и власть перешла к его сыновьям, что и отражено в трех монограммах фунской плиты. По плитам 1425–1427 гг. мы видели, что главная позиция среди символов – центральная. В таком случае главной среди трех фунских монограмм оказывается монограмма Исаака, который упоминается как αὐθεντής Феодоро и на поливном блюде с Мангупа²⁴, и генуэзцами – как «господин Готии» с 1465 г.²⁵ Тогда второе место занимает Алексей, а третье – Александр. В 1460 г. генуэзцы называют господином Готии Кейхиби (Кейхибей), а выданного им на казнь брата – Бердибеком: поскольку ни на одной феодоритской монограмме нет нехристианских имен, остается предположить, что это были нехристианские имена Исаака и Алексея, так как Александр, который, судя по его монограмме на примерно 20 (!) поливных чашах из Фуны, и был владельцем фунской крепости²⁶, дожил до 1475 г.²⁷

В этой связи особый интерес приобретают самые загадочные феодоритские монограммы – на плите из Херсона, известные только по рисунку Ф. Дюбуа де Монпере (IOSPE³ V 13; ил. 9). Форма щитов здесь необычна и имеет промежуточную форму между щитами на плитах 1425–1427 гг. (с заострением снизу) и 1459 г. (круглыми), а вот округлый элемент в лигатуре «ТО» миндалевидный, как и на ранних плитах. С другой стороны, монограмм здесь не одна, а три. Таким образом, как и инкерманская плита (см. выше), херсонская должна датироваться временем между 1427 и 1459 г., однако отсутствие имени Алексея заставляет датировать ее позже инкерманской, т. е. временем

ΒΑΛΛΟΜΕΝΟΝ ΕΤΟΚΑΣΤΡΟ ΤΙΣ ΧΕΡΣΟΝΙΑΣ

Ил. 9. Монограммы с феодинитской надписью из Херсона. 1427 – после 1446.

Публ. по: Латышев В. В. *Сборник греческих надписей христианских времен из южной России*. СПб., 1896. С. 20

после 1446 г. Ясно читается только левая монограмма – ΙΣΑΚ, принадлежащая, очевидно, Исааку, правителю Феодоро с 1458 г. Здесь он помещен, однако, не на центральном месте, что позволяет сузить датировку плиты до 1446–1458 гг. В эти годы старшим правителем Феодоро был Олобо/Олобей (см. выше) – следовательно, в центральном щитке должна быть помещена монограмма его христианского имени (ср. выше). Она читается как ΜΑΝ, что, скорее всего, является началом имени Мануил, популярного в среде средне- и поздневизантийской аристократии. Наконец, следуя тому же порядку чтения, в правой монограмме мы получим ΜΑΚΕΔ, что может быть только началом христианского имени Македоний (чему соответствуют и две засечки на левой части миндалевидного элемента, обозначающие «ню»). Таким образом, мы имеем здесь дело, видимо, либо еще с одним сыном Олобо, не упомянутым на фунской плите, либо, что вероятней, с наследником Исаака.

Подводя итог анализу феодинитских «геральдических» плит, можно предложить следующую реконструкцию данной эпиграфической традиции. Она впервые фиксируется в 1425 г., хотя нельзя исключать и ее присутствия уже в 1403 г. На ранних плитах Алексея его монограмма единственная и занимает центральную позицию между гербом Генуи и символом Великих Комнинов, указывающими, видимо, на союзников феодинитского правителя. Однако параллельно и позднее он, видимо, применял и другую схему: с одной своей монограммой слева. Его сын и наследник Олобо (1446–1458) носил, вероятно, христианское имя Мануил и поместил его монограмму между монограммами своих сыновей-соправителей, носивших христианские имена Исаак и Македоний. Наконец, этот Исаак, очевидно, вступивший на престол в 1458 г. и носивший также тюркское имя Кейхйбей, сохраняет в 1459 г. ту же схему с тремя монограммами, где его собственная монограмма занимает центральную позицию, между монограммами Алексея Младшего (возможно, идентичного Бердибеку) и Александра, а герб Генуи заменен символом Христа. Наличие трех монограмм в двух поколениях правителей Феодоро должно было, вероятно, знаменовать собой согласие между соправителями, которые в реальности нередко враждовали между собой.

Ил. 10. Надпись на гербе из Инкермана. Публ. по: Латышев В. В. *Сборник греческих надписей христианских времен из южной России*. СПб., 1896. Табл. IV

Впрочем, в Крыму есть еще один загадочный случай «геральдической» надписи, связанный, опять же, с генуэзским гербом. Н. Н. Мурзакевич обратил внимание на публикацию в книге генуэзского историка Дж. Одерико рисунка с двумя гербами (генуэзского и с идущим вправо львом со звездой в правой лапе): на первом гербе в четырех углах размещена греческая надпись ΤΑ ΣΙΜΑΔΙΑ ΤΙΣ ΓΕΝΟΥΒΕΖΟΥΣ ΠΑΥΣ ΤΟ ΚΑΣΤΡΟ ΙΝΚΙΡΜΑΝΗ (Τὰ σιμάδια <τοῦς> Γενουβέζους, <τὰ> ὕς τὸ κάστρο Ἰνκίρμάν[η?]); см. IOSPE³ V 13), а под гербами не до конца понятная дата ΜCCCCLXVV (ил. 10). Одерико предположил, что генуэзские гербы были взяты греками в качестве трофея и надписаны. Другой возможностью была бы греческая подпись к западным гербам: такие известны в поздневизантийской эпиграфике (Патры, 1426 г.²⁸; Эльбасан, 1358–1388 гг.²⁹), причем последняя с тем же словом σιμάδια. Однако поздняя турецкая форма Инкерман (вместо греческой Каламиты) заставляет предположить, что на щит кем-то была перенесена греческая подпись под рисунком («Генуэзские гербы в крепости Инкерман»). В пользу неаккуратности рисунка говорит и странная дата под ним, и необычное расположение надписи на гербе Генуи, и лев со звездой в лапе, неизвестный в генуэзской геральдике. Судя по историческому контексту, генуэзская надпись в Инкермане могла появиться только во время генуэзского захвата феодоритской Каламиты флотом Карло Ломеллино в 1434 г. — в таком случае дату под гербами надо исправлять на ΜCCCXXXIV.

¹ См.: Ousterhout R. Symbole der Macht. Mittelalterliche Heraldik zwischen Ost und West // Lateinisch-griechisch-arabische Begegnungen. Kulturelle Diversität im Mittelmeerraum des Spätmittelalters / Hrsg. von M. Mersch u.a. Berlin, 2009. S. 91–109.

² Kountoura-Galake E. Iconoclast Officials and the Formation of Surnames during the Reign of Constantine V // Revue des Etudes Byzantines. 2004. Vol. 62. P. 247–253.

³ Feind R. Byzantinische Monogramme und Eigennamen. Б. м., 2010.

⁴ Соломоник Э. И. Некоторые новые греческие надписи Средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 212. Рис. 3.

⁵ Вопреки мнению Э. И. Соломоник, у буквы есть перекадина (также ломаная), так что предложенное автором как вариант чтение λ(αμπρότατος) приходится отвергнуть.

- ⁶ Отчет Императорской археологической комиссии за 1901 г. СПб., 1902. С. 48. Рис. 96 (прорисовка дана вверх ногами); *Соломоник Э. II*. Указ. соч. С. 212. Рис. 4. В настоящее время камень расколот натрое и пропал его правый нижний угол.
- ⁷ Вариант с альфой вместо дельты, рассматриваемый Соломоник, исключен, так как альфа в этой монограмме дважды изображена с петлей, а не с прямой перекладиной.
- ⁸ Здесь и далее ссылки на крымские надписи даются по нашему новому изданию, доступному по адресу: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>.
- ⁹ На Мангупе была еще одна плита с тремя заостренными снизу щитами, вероятно, также времен Алексея (см.: *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 35, 36).
- ¹⁰ Историю расшифровки феодоритских монограмм см. в: *Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 359–361. Рис. 224; *Чоредж М. М.* «Lapis offensionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13. Вып. 19. С. 46–57; последний игнорирует нашу статью (*Виноградов А. Ю., Мыц В. А.* Фунская надпись 1459 г. // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 273–281) и дает порой достаточно фантастические расшифровки монограмм.
- ¹¹ *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 30–32. Вопреки Малицкому, двуглавый орел встречается на монетах Великих Комнинов уже в XIV в. (см.: *Карнов С. П.* История Трапезунтской империи. СПб., 2007. С. 158, 159).
- ¹² О ней см.: *Мыц В. А.* Указ. соч. С. 71–86.
- ¹³ См.: *Карнов С. П.* Указ. соч. С. 416.
- ¹⁴ В пользу этого говорит и отдельное изображение этого элемента с «усиками» под тау (см.: *Мыц В. А.* Указ. соч. Рис. 224. 12, 13).
- ¹⁵ *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 35. Рис. 11.
- ¹⁶ Там же. С. 32. Рис. 9.
- ¹⁷ О них см.: *Мыц В. А.* Указ. соч. С. 156–216, 353–358.
- ¹⁸ Там же. С. 355.
- ¹⁹ Там же. С. 212–216.
- ²⁰ Там же. С. 212.
- ²¹ Там же. С. 212.
- ²² Там же. С. 153–177.
- ²³ Там же. С. 357, 358. Нет необходимости усложнять понятный текст генуэзского донесения и предполагать сложные генеалогические связи между Олобо и Алексеем. Наименование сына в честь деда по отцу – обычная византийская практика (см.: *Виноградов А. Ю.* Стратегия имянаречения у восточнохристианских правителей VII–XIII вв. в сравнительной перспективе (Багратиды, Комнины, Рюриковичи): an approach // Средневековая Европа: Восток и Запад / отв. ред. М. А. Бойцов. М., 2015. С. 122–172).
- ²⁴ *Мыц В. А.* Указ. соч. Рис. 224. 11.
- ²⁵ Там же. С. 402.
- ²⁶ Там же. С. 409. Примеч. 35.
- ²⁷ Там же. С. 401.
- ²⁸ *Feissel D., Philippidis-Braat A.* Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance. III. Inscriptions du Péloponnèse (à l'exception de Mistra) // Travaux et mémoires. 1985. Vol. 9. P. 347–349. N 86.
- ²⁹ CIG IV 8774.